

УДК 821.161.1–132(09)

Саппа Н. Н.,

доктор социологических наук,

Харьковский национальный университет внутренних дел

СТИХИ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ: ЭКЗИСТЕНЦИЯ КРИЗИСА И ОТРАЖЕНИЕ НАСИЛИЯ В КРИЗИСНОМ СОЗНАНИИ

О Гражданской войне как крупнейшем социальном кризисе Российской империи М. Волошин писал в вышедшей в Берлине книге “Стихи о терроре” (1923 г.):

*Расплясались, разгулялись бесы
По России вдоль и поперек...*

Автор психологически точно определяет сущность одной из основных причин, затрудняющих согласия и мир в Отечестве:

*В тех и в других война вдохнула
Гнев, жадность, мрачный хмель разгула.*

Здесь говорится об экзистенции ранее невиданной по масштабам свободы проявления асоциальных человеческих качеств. Описывая в книге появление новых социальных акторов (“буржуй”, “красноармеец”, “большевик”, “спекулянт”), поэт повествует и о появлении людей, для которых убийство в мирной, невоенной жизни становится обычным и повседневным делом. Нравственным, а по сути психологическим, изменениям общественной жизни сопутствуют и изменения в обыденной речи людей – в стихотворении “Терминология” (1921 г.) М. Волошин отмечает, что происходит эвфемизация убийства и насилия. Что, как следствие, приводит к снижению когнитивного диссонанса между базовыми социальными запретами и повседневными действиями:

*“Брали на мушку”, “ставили к стенке”,
“Списывали в расход” –
Так изменялись из года в год
Быта и речи оттенки.
“Хлопнуть”, “угробить”, “отправить на шлёпку”,
“К Духонину в штаб”, “разменять” –
Проще и хлеще нельзя передать
Нашу кровавую трёпку.
Правду выпытывали из-под ногтей,
В шею вставляли фугасы,
“Шили погонь”, “кроили лампасы”,
“Делали однорогих чертей”.
Сколько понадобилось лжи
В эти проклятые годы,
Чтоб разъярить и поднять на ножи
Армии, классы, народы.*

В написанной ранее поэме “Двенадцать” (1918 г.) Александр Блок пытается представить читателю вышедших на авансцену истории людей, творивших глобальную перемену жизни страны, их мир. Однако, не в силах понять их сущность, он не может скрыть растерянность перед непонятным и трудно предсказуемым развитием

революционных изменений. Поэт находится в состоянии тревоги, вызванной неопределённостью дальнейшего развития событий, невозможностью личной ответственности за бытие, страхом за его будущее. Именно страх экзистенциально потрясает поэта, абстрагирует его от незначительных и временных проблем существования, даёт ему творческую энергию для создания эпического произведения. И решение проблемы существования своего бытия, А. Блок, как верующий человек, возлагает на Бога:

*В белом венчике и роз –
Впереди – Иисус Христос.*

Умение поэта обобщать показывает, что представленные им герои поэмы – это порождение и проявление того социального кризиса, которым болела вся страна.

Представления о сущности этих людей, насильственных вершителей нового мира, их экзистенции, оставили отпечаток в поэзии тех лет как поэты – непосредственные участники революционных событий, так и поэты-современники, ощутившие единство с ними. Укажем, что рассмотрению экзистенциалистских принципов, определению взаимосвязи философской концепции экзистенциализма и литературы, анализу экзистенциалистского свободного выбора, который не контролируется этикой, посвящена работа Л. М. Ефремовой [1]. По утверждениям философов-экзистенциалистов, основной порок рационального мышления состоит в том, что оно исходит из принципа противоположности субъекта и объекта, то есть разделяет мир на две сферы – объективную и субъективную. Всю действительность, в том числе и человека, рациональное мышление рассматривает только как предмет, “сущность”, познанием которой можно манипулировать в терминах субъекта-объекта. Подлинная философия, с точки зрения экзистенциализма, должна исходить из единства объекта и субъекта. Это единство воплощено в “экзистенции”, то есть в некоей иррациональной реальности. На наш взгляд указанный экзистенциалистский подход к литературным произведениям может позволить применительно к стихам периода гражданской войны в России рассмотреть насилие как составляющую кризисного сознания индивида. Это и является целью работы.

Для состояния общества, при котором отсутствуют общепринятые нормы и ценности, наблюдается своеобразный нормативный вакуум, французский социолог Эмиль Дюркгейм предложил термин “аномия” (от франц. *anomie* – отсутствие закона, организации). В таких условиях присутствует равнодушие, отчужденность, недоверие людей друг к другу, теряется стабильность института семьи, растёт безразличие к деятельности государства. Понятие социальной аномии, по Э. Дюркгейму, характеризует состояние общества, при котором существует дезинтеграция и распад системы норм, их недостаточность. Дюркгейм отмечал, что аномические состояния в обществе возникают особенно часто в условиях экономических кризисов и динамических реформ. Социальная аномия вызывает также психическое состояние личности, которое характеризуется чувством потери ориентации в жизни, возникающее, когда человек оказывается перед необходимостью выполнения противоречащих друг другу норм. “Прежняя

иерархия нарушена, а новая не может сразу установиться... Пока социальные силы, предоставленные самим себе, не придут в состояние равновесия, относительная ценность их не поддаётся учёту и, следовательно, на некоторое время вся регламентация оказывается несостоятельной” [2, 238].

В качестве примеров отражения этого особого психического состояния, которое мы называем кризисным сознанием, приведём несколько стихотворений времён Гражданской войны, Их авторы полагали насилие необходимым условием глобальных социальных изменений, с воодушевлением писали о бескомпромиссной борьбе с врагом, о крови и убийствах, о грядущем мировом пожаре революции. Так, в стихотворении “Левый марш” (1918 г.) Владимир Маяковский призывает отказаться от обсуждений и договоров с теми, кто, по его мнению, “шагает правой”, и переходить непосредственно к языку оружия:

*Разворачивайтесь в марше!
Словесной не место кляузе.
Тише, ораторы!
Ваше
слово,
товарищ маузер.*

Так знаменитый поэт воодушевил на вооружённую борьбу с врагами многих “левых” борцов, а “маузер” поэта в дальнейшем выстрелил не однажды в живых людей.

Немногим позднее один из его последователей, поэт Пётр Орешин, упоённый насилием, публикует в газете советского украинского правительства стихотворение “Российская революция” [3]:

*Взвёл курочек,
Опустил, опустил.
Чью-то душу
Загубил, загубил.

– Эй, дорогу,
Сторонись, честной народ!
По дороге красна армия
Идёт.*

Подобно ему о безжалостном пренебрежении чужой жизнью пишет и поэт Нестор Махно:

*Кони версты рвут наметом,
Нам свобода дорога,
Через прорезь пулемета
Я ищу в пыли врага.

Застрочу огнем кинжальным,
Как поближе подпущу.
Ничего в бою не жаль мне,
Ни о чем я не грущу.

Только радуюсь убойной
Силе моего дружка.
Видеть я могу спокойно
Только мертвого врага.*

(“Кони версты рвут наметом”, 1921 г.).

Бытие в этих стихах мыслится иррационально – как хаос и отсутствие всяких норм и правил. Былые правила и старый мир уже не пересматриваются – они подлежат насильственному уничтожению, как показавшие свою недостаточность. Экзистенция кризиса в революционном сознании требовала глобальных действий:

*Мы на горе всем буржуйам
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови –
Господи, благослови!*

(А. Блок. “Двенадцать”, 1918 г.)

Позднее эта тема была воспета в популярной многие годы революционной песне П. Григорьева “Белая армия, чёрный барон” (1920 г.):

*Мы раздуваем пожар мировой,
Церкви и тюрьмы сровняем с землёй –
Ведь от тайги до британских морей
Красная Армия всех сильнее!*

В программном стихотворении “Мы” (1917 г.) ещё на заре революции поэт Владимир Кириллов писал о “власти мятежного, страстного хмеля” разрушения и беззакония, в состоянии которого он и его единомышленники “сами себе Божество, и Судья, и Закон” [4, 22]:

*Мы во власти мятежного, страстного хмеля;
Пусть кричат нам: “Вы палачи красоты”,
Во имя нашего Завтра – сожжем Рафаэля,
Разрушим музеи, растопчем искусства цветы.*

*Слезы иссякли в очах наших, нежность убита,
Позабыли мы запах трав и весенних цветов.
Полюбили мы силу паров и мощь динамита,
Пенье сирен и движенье колес и валов.*

Этим строки указывают на то, что в кризисном сознании подавляются не только право и закон, но и культурный базис личности, её эстетические чувства. Возможно и любовь. Выдающаяся поэтесса Анна Баркова писала в стихотворении “Милый друг” (1921 г.) об убийстве любви [5, 339]:

*У врагов на той стороне
Мой давний друг.
О смерть, прилети ко мне
Из милых рук.
Сижу, грустя на холме,
А у них – огни.
Тоскующую во тьме,
Мой друг, вспомяни!
Не травы ли то шелестят,
Не его ли шаги?
Нет, он не вернется назад,
Мы с ним – враги.
Сегодня я не засну...
А, завтра, дружок,*

*На тебя я нежно взгляну
И взведу курок.
Пора тебе отдохнуть,
О, как ты устал!
Поцелует пуля в грудь,
А я – в уста.*

Но и после окончания Гражданской войны нормативный вакуум в стране не был заполнен законами и социальными установлениями, защищающими права и свободы граждан. Государство продолжало жить динамическими реформами: послевоенное восстановление хозяйства, коллективизация, индустриализация, “большая чистка”. Правовой нигилизм торжествовал:

*Разве
в такое время
слово “демократ”
Набредёт
какой головке дурьей?!*

– так писал В. Маяковский в 1924 г. в поэме “Владимир Ильич Ленин”.

Кризисное сознание, направленное на беспощадную борьбу с инакомыслием, порождающее насилие, становилось частью ментальности советских людей. Уже в 1925 г. Анна Баркова критически описала это в стихотворении “Пропитаны кровью и желчью” [5, 339–340]:

*Наша жизнь и наши дела.
Ненасытное сердце волчье
Нам судьба роковая дала.
Разрываем зубами, когтями,
Убиваем мать и отца,
Не швыряем в ближнего камень –
Пробиваем пулей сердца.
А! Об этом думать не надо?
Не надо – ну так изволь:
Поддай мне всеобщую радость
На блюде, как хлеб и соль.¹*

В заключение отметим, что к штыку приравненное перо не только поражало идущих не в ногу со всеми. Оно последовательно и неуклонно (неуклонно от курса власти) формировало ментальность населения, оправдывающую насилие и противоправные действия власти. Той ментальности, что стала позднее, уже в 30-е годы, базисом социально-психологической атмосферы доносительства и одобрения массовых репрессий в СССР. Таким образом, кризисное сознание времён Гражданской войны, как и всякая болезнь, оставило свои последствия – тоталитарный режим, выстроенный людьми, экзистенциальной сущностью которых было насилие.

¹ Спустя 10 лет Анна Баркова была арестована и провела в общей сложности более 30 лет в заключении. “Гулаговская одиссея А. Барковой потрясает, но истинный смысл ее жизни открывается лишь тогда, когда начинаешь понимать экзистенциальную сущность этой судьбы, выстраданный поэтом выбор своего пути”, писал исследователь её творчества Л. Н. Таганов [6].

Литература

1. Ефремова Л. М. Экзистенциализм в литературе и искусстве / Л. М. Ефремова // Филологические науки: вопросы теории и практики. – 2009. – № 2. – С. 117–120.
2. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд / [пер. с фр. с сокр. ; под ред. В. А. Базарова]. – М. : Мысль, 1994. – 399 с.
3. Орешин П. Российская Революция / П. Орешин // Известия Временного рабоче-крестьянского правительства Украины. – Харьков. – 1919. – 7 марта. – С. 4.
4. Кириллов В. Т. Стихотворения и поэмы / В. Т. Кириллов. – М. : Художественная литература, 1970. – 319 с.
5. Баркова А. А. Стихотворения / А. А. Баркова ; [биограф. спр. И. Угримовой, Н. Звездочетовой ; предисл. А. В. Луначарского] // Доднесь тяготее / [сост. С. С. Виленский]. – М. : Сов. писатель, 1989. – Вып. 1 : записки вашей современницы. – С. 335–355.
6. Таганов Л. Н. А. Баркова: Сто лет одиночества / Л. Н. Таганов // Новый мир. – 2001. – № 6. – С. 123.

Анотація

У роботі розглядаються вірші, якими Громадянська війна в Росії екзистенційно представлена як соціальна і психологічна криза. Досліджується відображення кризовою свідомістю насильства в поетичних творах. Робиться висновок про внесок кризової свідомості у формування тоталітарної ментальності.

Ключові слова: вірші, Громадянська війна, криза, екзистенція, насильство, кризовий свідомість.

Аннотация

В работе рассматриваются стихотворения, которыми Гражданская война в России экзистенциально представлена как социальный и психологический кризис. Исследуется отражение кризисным сознанием насилия в поэтических произведениях. Делается вывод о вкладе кризисного сознания в формирование тоталитарной ментальности.

Ключевые слова: стихи, Гражданская война, кризис, экзистенция, насилие, кризисное сознание.

Summary

In this paper poems are considered then Russian Civil War is presented as an existential social and psychological crisis. We study the reflection of the consciousness of the crisis of violence in poetry. It is concluded that the contribution of consciousness of the crisis in the form of a totalitarian mentality.

Keywords: poetry, Civil war, crisis, existence, violence, consciousness of the crisis.

УДК 821.161.2/82-311.6

Філоненко С. О.,

доктор філологічних наук,

Бердянський державний педагогічний університет

“МАРИУПОЛЬСЬКИЙ ПРОЦЕС” ГАЛИНИ ВДОВИЧЕНКО В КОНТЕКСТІ СУЧАСНОЇ ЛІТЕРАТУРИ ПРО АТО

Події Євромайдану, Революції Гідності, Антитерористичної операції та війни на Сході України у 2013–2015 роках стали викликом для сучасних вітчизняних письменників, які намагаються осмислити драматичні і трагічні події в різноманітних літературних формах. Творів із такою тематикою потребує український читач, що засвідчив новітній видавничий тренд Львівського книжкового форуму 2015 року,